

Идзаёй, руководствуясь принципом «с глаз долой — из сердца вон», попросту игнорировал все публикации, связанные с именем Микадзуки Мунэтика, включая те, где его называли дедушкой. Вместо этого он сосредоточился на поиске информации, которая могла бы принести реальную пользу.

Изучив данные о первой карте, на которую завтра предстояло отправиться отряду, Идзаёй немного выдохнул: как оказалось, уровень сложности Хакодате был весьма невысок. Прежде Касю Киёмицу получил серьезные ранения только потому, что отправился туда в одиночку, но теперь, когда в Хонмару собралось уже шестеро мечников, завтрашний выезд должен пройти благополучно.

Получив необходимые сведения, Идзаёй продолжил просматривать другие темы, в основном ориентированные на начинающих Сэнива. Хотя сам он прожил долгую жизнь, в роли Сэнива выступал впервые, особенно в такой системе, где высокие технологии переплетались с мистикой. Впрочем, к правилам и системе уровней Токэн Данси он отнесся спокойно — в эпоху высоких технологий, когда многое систематизировано, это выглядело вполне закономерно. Возможно, для людей прошлого проект Токэн Ранбу показался бы игрой, но для современников это было естественным результатом прогресса.

Пока Идзаёй с интересом листал форум, вернулся Касю Киёмицу. Позволив ему войти, Идзаёй с улыбкой произнес:

— Дальше мне понадобится твоя помощь, Киёмицу. Вдвоем мы быстро разберемся со всеми бумагами.

— Слушаюсь, — серьезно кивнул Киёмицу.

Документы Правительства времени представляли собой виртуальную электронную бумагу, которая выглядела как настоящая, но после заполнения специальным пером и подтверждения достаточно было одного клика, чтобы отправить файл в архив. Однако, вероятно, чтобы соответствовать миссии по спасению истории, в Хонмару было принято заполнять бумаги именно кистью. Из-за этого принудительного правила многие Сэнива, изначально не умевшие пользоваться кистью, в итоге овладевали искусством каллиграфии.

Идзаёю не пришлось учиться заново: он всегда предпочитал кисть, и хотя умел пользоваться современными ручками, без крайней необходимости выбирал именно её. Для него это было не просто письмо, а упражнение — тренировка духа.

Киёмицу, согласно знаниям, заложенным в него Правительством времени, понимал, что такое современные гаджеты, но, будучи человеком прошлого, все еще чувствовал себя неловко с виртуальными сенсорными экранами. Заметив его растерянность, Идзаёй мягко взялся за обучение. Благодаря стараниям одного и базовым знаниям другого, Киёмицу быстро освоил высокотехнологичный интерфейс.

— Поразительно. В прошлом о таком даже мечтать не приходилось, — с восхищением прокомментировал Киёмицу.

— Верно. Люди — удивительные существа: при столь короткой жизни они обладают невероятной созидательной силой и воображением, которым завидуют другие, — искренне ответил Идзаёй.

— И правда, это удивительно и очень мощно! — согласился Киёмицу. Зная, что перед ним полукрой, он не удивился подобным рассуждениям своего господина. К тому же, он невольно вспомнил своего прежнего хозяина, Окиту Содзи — тот тоже был человеком, внушавшим глубокое уважение.

Когда все бланки были заполнены и подписаны, Идзаёй перешел к обсуждению завтрашнего выезда. Киёмицу, как старший меч, по праву был назначен командиром отряда. Далее предстояло распределить позиции остальных — у каждой были свои требования, и именно их они обсуждали. На самом деле, расстановка позиций, кроме командирской, не была строго обязательной, иначе как бы справлялись Сэнива, совершенно не разбирающиеся в тактике?

Идзаёй не был новичком в военном деле, к тому же, восстановив связь со своей истинной формой Микадзуки Мунэтика, он получил доступ к определенным базам знаний. Кстати, о Микадзуки: будучи провозглашенным самым красивым из Пяти Великих Мечей Поднебесной вскоре после своего создания, он почти тысячу лет провел в коллекциях, и шансов по-настоящему поучаствовать в сражениях у него было немного. Хотя как меч он был рожден для боя, опыта ему не хватало, поэтому Правительство времени загрузило в него множество военных знаний.

Имея такую базу, Идзаёй мог предметно обсуждать тактику с Киёмицу. Тот, не зная всех тонкостей, проникался к своему новому господину все большим уважением. Его Сэнива отличался от тех, кто ничего не смыслил в войне, и Киёмицу не мог не гордиться тем, что служит такому человеку.

Когда вся работа была завершена, Идзаёй с улыбкой обратился к своему первому мечу:

— Сегодня ты отлично потрудился, Киёмицу.

— Это мой долг. Пожалуйста, и впредь позволяйте мне помогать вам, я буду очень стараться, — серьезно глядя на хозяина, ответил Киёмицу.

— Ха-ха-ха, обязательно. Но ты должен находить время и для радостей жизни, доступных тебе теперь, когда у тебя есть тело. Еда, например. Не стоит постоянно работать, это очень утомляет.

— Это не утомительно. Быть полезным господину — мое величайшее счастье, ведь это значит, что меня любят! — быстро ответил Киёмицу.

— Ах, какой же ты серьезный, — с легкой досадой произнес Идзаёй и ласково погладил Киёмицу по коротким черным волосам.

Киёмицу был ошеломлен внезапным жестом, но слова господина тут же вернули его в

реальность.

— Господин старше меня? — с любопытством спросил он.

— Да. Если подсчитать, я живу с конца периода Сэнгоку, так что я куда старше тебя, — ответил Идзаёй, слегка улыбнувшись, и убрал руку.

— А-а! — Киёмицу был поражен. Он-то думал, что господин старше обычных людей лишь на пару десятков лет. От неожиданности он даже не успел расстроиться из-за того, что Идзаёй убрал руку.

— Так что для меня ты совсем юн. Если тебя что-то тревожит или смущает, всегда приходи ко мне. Как человек, проживший долгую жизнь, я смогу тебе помочь.

— Хорошо, — ответил Киёмицу. Что еще оставалось сказать, если его господин действительно старше его на сотни лет?

— Ну что ж, пойдем на третий этаж отдыхать. Завтра нужно рано вставать, — Идзаёй выключил виртуальный экран, поднялся и кивнул Киёмицу.

— Да, хорошо, — тот поспешно вскочил.

Поднявшись на третий этаж, они прошли вглубь коридора. Спальня Сэнива, конечно, была самой большой и располагалась в лучшей части дома, а комната для Дзиндзи — по соседству. У дверей своей спальни Идзаёй сказал:

— Обычно я встаю в четыре тридцать, но сегодня был тяжелый день, так что завтра, пожалуй, посплю дольше. Приди разбуди меня в пять тридцать.

— Не слишком ли рано? Господину стоит поспать подольше, — с беспокойством отозвался Киёмицу.

— Не нужно. Это привычка, выработанная долгими годами. К тому же рассвет прекрасен, а утренний воздух свеж и отлично подходит для тренировок, — улыбнулся Идзаёй.

Вспомнив, кем был его господин в Море живых, Киёмицу не стал настаивать — слова Идзаёя звучали разумно. Впрочем, он твердо решил, что в будущем будет будить господина еще раньше. Не подозревая о том, какое решительное намерение принял его спутник, Идзаёй добавил:

— И еще: завтра вы отправляетесь в поход, нужно изготовить больше Тосо. Зеленые, что я сделал раньше, слишком слабы, золотые подошли бы куда лучше.

— Господину не стоит утруждаться, тех, что есть, вполне хватит, — Киёмицу вспомнил, как господин «старался» с изготовлением, и решил, что лучше не рисковать его энтузиазмом, а то вдруг результат будет таким же, как сегодня.

— Ничего страшного. Завтра сделаем вместе, даже если мне не повезет, рядом будешь ты, — улыбнулся Идзаёй.

Услышав, что ему доверено столь важное задание, Киёмицу воодушевился:

— Обещаю выполнить задачу!

— Ха-ха-ха, отлично, просто отлично, — кивнул Идзаёй. — И вот, возьми, это подарок за сегодняшнюю помощь.

Он вынул из широкого рукава карточку, легко взмахнул ею, и в руках у Киёмицу появился пузырек с кристально чистыми, похожими на драгоценные камни конфетками Конпэйто. Киёмицу замер, глядя на разноцветные сладости в стеклянной баночке.

— Что такое? — Идзаёй чутко уловил его замешательство.

— Ничего. Просто вспомнил прежнего хозяина, он очень любил Конпэйто, — тихо ответил Киёмицу, глядя, как свет в коридоре играет на гранях конфет.

— Ах, Окита Содзи. Он вызывал огромное уважение. Я не видел его лично, но от духов, что проходили мимо, слышал, что он был очень сильным человеком. Даже сейчас многие помнят о нем. Моя племянница недавно смотрела сериал про Окиту Содзи, так я и узнал о тебе, Киёмицу. Думаю, ты унаследовал его мастерство владения мечом.

Услышав это, Киёмицу встрепнулся и твердо сказал:

— Конечно! Я ведь был мечом Окиты Содзи.

— Тогда используй унаследованное от него мастерство и старайся изо всех сил. Поле боя — лучшее место, чтобы отточить искусство меча.

— Да, — решительно кивнул Киёмицу.

Идзаёй вошел в свою комнату. Киёмицу еще несколько секунд стоял с баночкой в руках, прежде чем обратиться к закрытой двери:

— Господин, если что-то понадобится, я рядом. В любой момент жду вашего зова.

— Хорошо, — донесся голос Идзаёя из-за бумажной двери с изящным узором.

Вернувшись в комнату и оглядев её — она ничем не отличалась от тех, что были в Море живых, — Идзаёй призвал Сикигами, чтобы те помогли ему снять громоздкое Каригину. Идзаёй не был мастером в ношении этой сложной одежды, хотя снять её мог и сам, но это заняло бы слишком много времени, поэтому он всегда доверял это Сикигами.

Поднимая руки, чтобы облегчить им работу, он подумал: завтра точно не надену это, все-таки я не в храме. Сняв Каригину и белую бумажную маску, Идзаёй в одной нижней одежде отправился в ванную.

Спустя некоторое время он вышел с влажными длинными синими волосами. Облачившись в

темно-синее юката с белым узором из бамбука, он опустился на колени перед низким столиком, а подросшие женские Сикигами принялись бережно вытирать его волосы. Будучи почти беспомощным в быту, Идзаёй имел Сикигами, которые были мастерами на все руки — результат долгого накопления знаний клана Хигураси. Говорили, что Сикигами дома Хигураси вызывали зависть у многих коллег: пусть у них не было собственного сознания, но их бытовые навыки были поистине впечатляющими.

На самом деле Идзаёй мог бы высушить волосы духовной силой, но мгновенное высыхание вредило волосам, да и казалось ему чем-то противоестественным. Если было время, он предпочитал, чтобы Сикигами вытирали их полотенцем. Пока они занимались волосами, Идзаёй осторожно достал из-за пазухи свой короткий меч. Его глаза, в которых он еще в Мире живых скрыл сияние луны, теперь глубоко и задумчиво смотрели на клинок. Он так и сидел, глядя на него, пока волосы не стали сухими.

Лишь тогда он очнулся, погасил свет и лег спать. Постель, разумеется, была уже расстелена Сикигами.

Сон:

Идзаёй знал, что спит. Это был давний сон — воспоминание о бытности его мечом Микадзуки Мунэтика. Поскольку это было воспоминание, Идзаёй действовал согласно тому, как вел себя в тот момент.

Микадзуки Мунэтика в роскошном темно-синем Каригину шел по длинной галерее. Сделав несколько поворотов, он спустился в сад. На самом деле это был склон горы, где располагалась усадьба. Цель Микадзуки была ясна — вершина, где росла древняя сакура. Сейчас было время цветения, и Микадзуки, любивший сакуры, не мог пропустить это зрелище.

Стоя под деревом, он протянул руку, ловя лепестки, и на его прекрасном лице заиграла улыбка. Любой, кто увидел бы его в этот миг, был бы очарован — в этом заключалось величие самого красивого меча, рожденного в эпоху Хэйан-кё. Но вокруг не было ни души, лишь птицы на ветвях да бабочки могли стать свидетелями красоты этого существа.

Ветер на вершине усилился, и начался настоящий цветочный дождь. Широкие рукава и полы Каригину развевались, а длинные темно-синие волосы, собранные в низкий хвост, танцевали в воздухе, словно эльфы.

Когда Микадзуки засмотрелся на лепесток в своей руке, сзади послышался голос:

— Микадзуки-дэн, вы не видели Итиго-ни?

Обернувшись, Микадзуки мягко улыбнулся пришедшему:

— Кажется, Итиго-дэн говорил, что собирается к Намбао. Ягэн-дэн, можешь поискать его там.

— Э? Но я только что оттуда... — юноша с черными короткими волосами в удобном коротком кимоно осекся, поняв, что проговорился, и смущенно посмотрел на улыбающегося старшего.

— Вот как. Значит, Итиго-дэн в последнее время избегает меня, — Микадзуки не удивился, лишь понимающе кивнул.

— Нет, что вы! Итиго-ни не избегает вас, он, должно быть, просто занят, — поспешно и взволнованно начал оправдываться Ягэн Тосиро.

— Не волнуйся. На самом деле мне просто любопытно, чем он занят, — мягко успокоил его Микадзуки.

Осторожно понаблюдав за выражением лица господина и убедившись, что тот не сердится, Ягэн решил, что лучше поскорее уйти, пока не натворил дел похуже.

— Тогда, Микадзуки-дэн, прошу прощения, у меня дела, — поклонился Ягэн и поспешно удалился.

Микадзуки проводил его взглядом, улыбаясь. Хотя юноша старался не выказывать беспокойства, его шаги были твердыми, но Микадзуки чувствовал, как сильно тот раскаивается в своей оплошности. Он лишь улыбнулся про себя. Когда фигура Ягэна скрылась, он снова перевел взгляд на сакуру.

Солнце грело в самый раз — не жарко и не холодно. Идеальное время для любования цветами. Жаль только, что не было кувшина сакэ, чтобы насладиться вкусом напитка с лепестками сакуры. Постояв еще немного, Микадзуки присел под деревом, прислонившись к стволу, и прикрыл глаза, глядя на цветочный дождь. Несмотря на элегантность, присущую вельможам Хэйан-кё, он сидел на траве совершенно естественно.

Вскоре его темно-синие волосы, Каригину и даже лицо оказались усыпаны лепестками. Микадзуки уже слегка задремал и не пытался их стряхнуть.

Спустя какое-то время его разбудило знакомое присутствие. Открыв глаза, в которых сияли новые луны, он увидел протянутую руку. Проследив за ней, он встретился взглядом с высоким красивым юношей с собранными в хвост лазурными волосами.

— О, Итиго-дэн, ты пришел? — Микадзуки наклонил голову и с улыбкой посмотрел в золотистые глаза собеседника.

<http://bllate.org/book/20939/2122519>